

«Застава Ильича» как символ «оттепели»

Фильм «Застава Ильича» был задуман режиссером Марленом Хуциевым в 1959 г. Первые съемки прошли 1 мая 1961 года – на первомайской демонстрации. 30 декабря 1962 года фильм был принят на киностудии с несколькими замечаниями. Однако после критики Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства в марте 1963 г. было принято решение доработать этот фильм.

В 1965 г. измененная и сокращенная версия фильма вышла в прокат под названием «Мне двадцать лет». *«Поправок в фильме было много, – говорил М. Хуциев. – Я уже устал что-то доказывать, переснимать. Ведь я не делал заплатки, а переснимал заново целые сцены».* Только в перестройку фильм был восстановлен, и 29 января 1988 года первоначальная версия была показана в Доме кино в Москве.

Помимо сценария Геннадия Шпаликова и Марлена Хуциева в фильме принято высоко оценивать работу кинооператора Маргариты Пилихиной, которая проявила подлинное новаторство в динамичной съемке как массовых сцен (первомайская демонстрация), так и сцен в замкнутом пространстве (в переполненном автобусе или на поэтическом вечере в Политехническом институте).

Фильм «Застава Ильича», безусловно, является идеологическим фильмом, и это, наряду с художественными достоинствами, позволяет считать его одним из самых ярких выражений периода «оттепели» в советском киноискусстве. Картина Хуциева переполнена, я бы даже сказал, перенасыщена, коммунистическими идеями и символами, которых в ней, пожалуй, даже больше, чем в вышедшем в 1957 году фильме «Коммунист».

Здесь и шагающие по улицам Москвы красногвардейцы, бойцы Великой Отечественной войны и часовые, сменяющиеся в карауле у Мавзолея, которые символизируют нерушимое идейное единство трех

поколений. В фильме неоднократно звучит «Интернационал», читаются строки из «Разговора с товарищем Лениным» В. Маяковского. В квартире главного героя на книжной полке стоит бюст Ленина, а на стене висит портрет Маяковского. Много времени занимает показ первомайской демонстрации и поэтического вечера в Политехническом институте, где поэты выступают под висящим на стене лозунгом «Коммунизм – это молодость мира, и его возводит молодым». Наконец, герои ведут между собой разговоры и споры по поводу значения в своей жизни тех или иных идей.

Это предельное насыщение картины коммунистической и советской символикой было отмечено критикой на Венецианском фестивале, где фильм «Мне двадцать лет» представлял Советский Союз. Там она соперничала с фильмом Милоша Формана «*Любовные похождения блондинки*», и пресса писала, что Форман творит современное кино, а Хуциев снял чуть ли не коммунистическую агитку. Тем не менее, хотя главный приз – Золотой лев – получил Лукино Висконти за фильм «*Туманные звезды Большой Медведицы*», картина Хуциева удостоилась Специального приза жюри. Почему же при такой идеологической насыщенности, которая в «заставе Ильича» была ничуть не меньшей, чем в «Мне двадцать лет», первый вариант фильма режиссера вызвал резкую критику руководства страны?

Об этом я скажу несколько позже, а пока напомним о чем этот фильм. Сюжет его, несмотря на некоторую фрагментарность эпизодов, достаточно прост. В нем мы видим трех друзей – Сергея, Николая и Славу, которые живут в одном дворе. Они работают, строят планы на будущее, беседуют, спорят о жизни, порой ссорятся. У каждого свои проблемы: один ищет свой идеал, другой увлечен девушками, третий погружен в семейно-бытовые дела. Главный герой фильма Сергей знакомится на первомайской демонстрации с Аней, в которую влюбился еще при первой их случайной встрече в автобусе. Эти молодые и красивые люди кажутся по-настоящему влюбленными друг в

друга, но в конце фильма их взаимная любовь и счастливый финал ставятся под сомнение.

Впервые это сомнение появляется при разговоре Сергея и Ани с отцом девушки, с которым у нее сложные отношения. Этот руководящий советский работник (директор или чиновник), что привык сидеть в президиуме и разрезать ленточки на мероприятиях, не понимает причин демонстративного неуважения к себе со стороны своей дочери. Сначала он даже обвиняет ее и Сергея в инфантилизме и демагогии, заявляя, между прочим, что с этого и начинается «идейный ревизионизм». Однако, получив от Ани упрек в том, что всю жизнь говорит одно, а думает и делает другое, ее отец не возражает, а отвечает, что «всё это не так просто». После этого от идейных обвинений он переходит к практическим советам, исходя из своего жизненного опыта.

«Сами о себе не подумаете, никто о вас думать не станет, – по-отечески внушает он Сергею. – Не знаете вы людей, не знаете жизни. Вас сомнут, задавят. Не верьте вы никому, займитесь вы собой. Разберитесь вы в своих делах. В принципе вы никому не нужны». На вопрос Сергея «А коллектив?» отец Ани только презрительно машет рукой: «Бросьте». Он давно убежден, что *«людям, в общем, наплевать друг на друга, как ни печально в этом признаться»*, и от души дает свой совет: *«Ах, ребята, ребята, как вы еще наивны, как вы еще мало знаете жизнь. А в жизни есть простые и грубые вещи, такие, скажем, как зарплата, квартира».* Причем, отец Ани даже не считает нужным скрывать от незнакомого ему до этой встречи Сергея, насколько по жизни далек от того, что такие, как он, говорят с трибун. Это номенклатурный работник нового типа, который не верит ни в какую другую идею, кроме обеспечения благополучия себя и своей семьи. Что интересно, данный персонаж, воплощающий образ советского «перерожденца», показан в фильме не злодеем и не сатирической фигурой, а предстает в образе заботливого отца, любящего свою дочь и готового помочь ее молодому человеку.

И эти слова отчасти влияют на Сергея, когда он слушает излияния души друга Николая, возмущенного тем, что его начальник просил его доносить на одного уважаемого им человека. *«Понятно, он сволочь, – говорит Сергей. – Ты сказал ему об этом, но что толку, что изменилось? Ничего. Если ты себя уважаешь, не стоит, пожалуй, даже опускаться до разговоров с такими людьми. Что ты пока можешь? Что я могу? ... Можешь принимать или не принимать этих людей, но они есть, и с этим приходится считаться. ... Главное – это личная честность каждого. Каждый отвечает только за свои поступки. ... Ты живешь среди людей – ты и люди. И с этим ничего не поделаешь»*. Эта заявленная позиция вызвала явное несогласие Николая и привела друзей к временному отчуждению друг от друга. Но в будущем она станет оправданием для людей, вступавших в КПСС не по идейным, а по карьерным соображениям, которые объясняли это тем, что они порядочные люди, и партия только выиграет, если порядочных людей в ней станет больше (случай с Р. Рождественским).

Между этим двумя событиями показано, как Сергей и Аня приходят на один из вечеров в Политехнический институт, где выступают поэты разных поколений – «властители дум» советской молодежи того времени. Этот эпизод, снимавшийся на одном из таких вечеров в августе 1962 года, стал классическим, и сохранившийся как документальная съемка благодаря «Заставе Ильича» позволяет почувствовать живую связь с духом того времени. Мы видим энтузиазм как самих поэтов, читающих свои стихи, так и их зрителей и слушателей, которые не только аплодируют своим кумирам, но и делятся своими впечатлениями от их стихов, а порой и замечаниями у микрофона. Некоторые из этих стихов, с высоты сегодняшнего дня, звучат пророчески, а некоторые наполнены смыслом, который вряд ли вкладывали в них сами авторы.

Кульминацией «Заставы Ильича», на мой взгляд, является эпизод фильма, посвященный празднованию дня рождения Ани, на котором Сергей встречается с ее друзьями. Критики, как правило, называют их сборищем

«золотой молодежи» того времени, однако мне они представляются, скорее, компанией студентов и молодых специалистов, где почти все друг друга знают и друг над другом подшучивают (не случайно многих играют студенты режиссерских курсов). Впрочем, шутки их не всегда остроумны и безобидны, что проявляется тогда, когда один из них принес чугунок картошки, другой сделал из нее подобие ожерелья, а третий замечает: *«Ну вот, теперь у нас полный комплект: лапти, картошка, старинная обрядовая песня. Не хватает только цыган и медведей»*.

Танец на рассыпанной по полу картошке больно ранит Сергея, который, собираясь на день рождения к Ане, услышал от своей мамы рассказ о том, как она в октябре 1941 года, потеряв хлебные карточки, пошла в поле под Москвой собрать мешок картошки, чтобы прокормить себя и сына. Его раздражение замечает один из гостей, который, превратно толкуя причину, тут же обвиняет его в «квасном патриотизме». В ответ на это Сергей призывает его назвать вещи, о которых следует говорить серьезно, и на встречный вопрос отвечает: *«Я серьезно отношусь к революции, к песне "Интернационал", к 37 году, к войне, к солдатам, к тому, что почти у всех нас нет отцов, и к картошке, которой мы спасались в голодное время»*. После этого к Сергею обращается самый настырный из гостей (Андрей Тарковский), который саркастически спрашивает его: *«А как вы относитесь к репе?»*. За это девушка дает критику картошки, лаптей и народных песен пощечину, а Сергей уходит с вечеринки, не объяснившись с именинницей. Оставшиеся гости осуждают «шутника», и сам он признает, что перегнул палку, но в этой сцене можно найти смысл, который, возможно, и не имел в виду режиссёр. Ведь, в идейном столкновении персонажа Тарковского с Сергеем уже видно противоречие между «либералами» и «почвенниками», которое в 1970-х – 1980-х годах приведет к появлению в советской литературе и в искусстве двух лагерей (*к чему здесь могла быть «репа»?*).

Находясь в смятении чувств после испорченного дня рождения и возможного разрыва с любимой девушкой (их объяснение не показывается,

но больше в фильме Аня не появляется), Сергей пытается собраться с мыслями. *«Я не хочу так дальше, не хочу, – говорит он себе. – Нельзя плыть по течению. ...Я не хочу перетирать время, перетирать дни. Ничего не существует отдельно, ничего. ...Отдельно – любовь, отдельно – жизнь, отдельно – время, в которое ты живешь»*. И здесь к нему вдруг приходит отец, погибший на фронте, причем в «Заставе Ильича», в отличие от «Мне двадцать лет», их встреча показана не во сне Сергея, а как бы в некоем видении наяву, причем в двух измерениях – в комнате Сергея и в землянке, в которой спят бойцы перед боем.

Образ отца в фильме Хуциева весьма интересен. Это не советская версия «отца Гамлета», который пришел, чтобы наставить сына на истинный путь, указав ему, как и для чего нужно жить. Он больше похож на солдата, получившего увольнительную на том свете, и пришедшего на короткую побывку в свой дом, чтобы узнать, как живут его жена и сын (о своей дочери он даже пока не знает). Его желания выдают в нем человека, не утратившего вкус к жизни. Отец предлагает Сергею закурить и жалеет, что сейчас за окном осень и нельзя вместе с сыном искупаться в реке. И в разговоре о смысле жизни, который заводит с ним Сергей, он проявляет себя не как умудренный опытом отец, а, скорее, как брат или друг.

«– Мы были такие, как вы. – Хорошо, что ты пришел. – Что с тобой, ты можешь мне сказать? – Мне надо, чтобы ты мне многое объяснил. – Что я тебе могу объяснить? – Всё. Я никому не верю так, как тебе. Понимаешь, мне надо с тобой посоветоваться. – Ты знал, что тебе нужно делать. Ты знал, что тебе нужно стрелять, бежать с криком "Ура", не трусить. – Ты думаешь, что стрелять и бежать вперед – этого мало? – ...Я бы хотел тогда бежать рядом. – Не надо. – А что надо? – Жить. – А как? – Сколько тебе лет? – 23. – А мне 21. Ну как я тебе могу советовать?».

Как ни странно, но именно этот разговор сына с фронтовиком-отцом в фильме, вызвал наибольшие нарекания к нему. На встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 7 и 8 марта 1963

года Н. С. Хрущёв выступил с критикой «Заставы Ильича». *«Даже наиболее положительные из персонажей фильма, – заявил он, – трое рабочих парней – не являются олицетворением нашей замечательной молодежи. Они показаны так, что не знают, как им жить и к чему стремиться. И это в наше время развернутого строительства коммунизма, освещенное идеями Программы Коммунистической партии!»*. Наибольшее возмущение первого секретаря ЦК КПСС вызвало то, что в конце фильма отец отказался дать сыну совет, как ему жить дальше. *«И вы хотите, – спросил он, – чтобы мы поверили в правдивость такого эпизода? Никто не поверит! Все знают, что даже животные не бросают своих детёнышей. Если щенка возьмут от собаки и бросят в воду, она сейчас же кинется его спасать, рискуя жизнью. Можно ли представить себе, чтобы отец не ответил на вопрос сына и не помог ему советом, как найти правильный путь в жизни?»*. «Главным критиком» фильма остался не замечен даже «двоемыслящий» представитель советской номенклатуры, каким был показан отец Ани. Эпизод с ним слегка сократили, а вот эпизод с отцом Сергея пересняли с другим актером, и в конце разговора с сыном, тот дает ему другое напутствие: *«Я тебе завещаю Родину, и моя совесть до конца чиста перед тобой»*.

Подводя итог, следует сказать, что «Застава Ильича» была и остается ярким символом «оттепели», выражением духа 1960-х годов. Вместе с тем нельзя не заметить в ней признаков неизбежного конца «оттепели». И эти признаки не сводятся только к запрету оригинального фильма и выходу его сокращенной и отредактированной, в соответствии с указаниями партийного руководства, версии. Фильм внутренне противоречив хотя бы потому, что поиски героями цели и смысла жизни в идейном плане ориентированы не на будущее, а на прошлое – революцию, гражданскую войну, боевые подвиги, которые не могут стать для них ориентирами в мирной жизни. Отринув после XX съезда культ личности Сталина, некоторые из них пытались заменить его культом личности Ленина, провозгласив в качестве главной задачи возвращение к «ленинским нормам» жизни, в которых видели своего рода

«доброе старое время». Однако, как говорил философ Вадим Межуев, *«отделить Ленина от Сталина легче, нежели Сталина от Ленина»*. Ведь и Ленин был убежденным сторонником насилия, которое призывал обрушить на всех противников, даже не «несознательных» рабочих, если они выступали против Советской власти (в год завершения работы над «Заставой Ильича» была расстреляна демонстрация рабочих в Новочеркасске).

Процесс духовного раскрепощения советских людей, начавшийся с XX съезда и продолженный вольнолюбивой интеллигенцией в конце 1950-х – начале 1960-х годов, не привел к их освобождению в такой степени, чтобы навсегда избавить наше общество от наследия сталинизма. Даже самые яркие «певцы вольности» того времени не смогли освободиться от страха. И после «проработки» Хрущева в 1962 году они клялись руководству страны не только принципами и идеалами революции и Гражданской войны, но и подтверждали верность их методам. Роберт Рождественский: «Мое поколение скоро встанет у штурвалов и во главе министерств, мое поколение верно заветам отцов, для нас идеи партии самые родные, мы счастливы, что живем и думаем под ее руководством». Евтушенко: «Если кто-нибудь на моем поэтическом вечере скажет что-нибудь антисоветское, я сам своими руками его отведу в органы госбезопасности. Пусть партия знает, что самый близкий и родной человек станет для меня в таком случае врагом». И создатели «Заставы Ильича» демонстрировали всяческое уважение к памяти Ленина и Мавзолею, показывали, как интеллигенция рукоплещет и подпевает Булату Окуджаве, славящему Гражданскую войну и «комиссаров в пыльных шлемах». Между тем любая гражданская война – это самая жестокая и кровавая из войн. И тут уже одно из двух: либо романтизация Гражданской войны, либо – социализм «с человеческим лицом». Принимая прошлое за образец для настоящего и не находя способов перекинуть от него мосты в будущее, шестидесятники потерпели историческое поражение, и поэтому «оттепель» сменилась заморозками, не перейдя в настоящую весну.